

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР: ПОЧЕМУ ОН ТАКОЙ?

Журавлева Н. И., Мельникова С. В.

*Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург*

Аннотация: понятие «уральский характер», являясь частным проявлением «национального характера» связано с типичным поведением, характерным для обитателей региона. Оно обусловлено несколькими причинами: природно-ландшафтными условиями, преобладающим видом деятельности, референтными поведенческими образцами, закреплёнными в художественной литературе и культуре края. «Уральский характер» формируется вокруг таких реалий, как «гора», «завод» и «мастер».

Abstract: concept “Urals’ character” is a particular manifestation of the “national character”. It implies typical behavior which is inherent for local people. There are several reasons for forming “Urals’ character”: natural landscape, type of activity, referent patterns of behavior, which represented in the culture of the place and in fiction literature. Such concepts as “mountain”, “plant”, “master” are relevant for “Urals’ character”.

Ключевые слова: уральский характер, национальный характер, базовая личность, гора, завод, Урал.

Keywords: Urals character, national character, basic personality, mountain, plant, Ural.

Понятие «уральский характер» можно было бы считать клише советского времени, концентрированным воплощением «советского характера» («Мы время зря не тратим, Неведом нам покой, Такой у нас характер, Особенный такой»). Однако рост регионального самосознания граждан с одной стороны, и активные процессы брендирования территорий с другой, сделали это понятие, наряду с подобными, популярным и обсуждаемым. Потребность в самоопределении – национальном, территориальном, поиски идентичности сегодня весьма насущны. «В Екатеринбурге сильная и усиливающаяся пространственная идентичность вследствие бума города и его динамизма, расширения связей и сферы влияния. Налицо и явная макрорегиональная общеуральская идентичность», – утверждает, ссылаясь на экспертные мнения, В.Л. Каганский [5. С. 16.].

Словосочетание «уральский характер» коррелирует с понятием «национальный характер», обозначающим поведенческие особенности индивидов, выросших на определенных территориях (или в общностях) с детства. Кроме того, «национальный характер» является важнейшим идентификатором личностей в глобальном мире. Автор исследования русского характера К.Касьянова определяет национальный характер как «представление народа о самом себе», как «важный элемент его совокупного этнического Я» [7. С. 8]. Следуя Э.Дюркгейму, вспомним, что в каждом индивиде при-

существует два сознания: индивидуально-личное и общее-групповое: «Первое представляет и устанавливает только нашу индивидуальную личность, второе представляет коллективный тип и, следовательно, общество, без которого он не существовал бы» [4. С. 83-84]. Общество, в котором мы живем, всегда присутствует внутри нас, и проявляется в наших «ответах» на типичные ситуации. Это подразумевает и эмоциональную окрашенность «ответа», и механизм принятия решения, и само решение, которое всегда есть некий выбор из нескольких возможных вариантов.

Общество, однако, может быть по-разному масштабировано. «Национальный характер» предполагает масштаб этнический или государственный, «уральский» его вариант сужает масштаб до территории проживания, до региона.

Антрополог А. Кардинер, предложивший понятие «basic personality structure», утверждал, что именно культурная среда, культурная группа обуславливает устойчивый набор черт, характеризующих поведенческие реакции личности [12]. «Базовая личность» А. Кардинера объясняет типичные особенности поведения индивида в конкретной культурной среде, которая может отличаться от культуры «большого» общества (этноса, нации, государства). Так, например, в маленькой Франции (площадь которой примерно в два раза уступает площади Урала), населенной французами (нация и гражд-

данство) присутствуют, по крайней мере, две локальные культурных группы (наследники галлов и франков). Эти группы не равновелики государству, не являются этносами, однако очевидно различны по поведению. Экономическая разница между «севером» и «югом» Франции базируется и на разнице поведения представителей «регионов», населенных преимущественно «галлами» и «франками».

Региональный характер, формируясь под влиянием культурной среды и проявляясь в устойчивом наборе качеств личности, не совпадает с национальным, являясь местным проявлением последнего. Согласно определению К.Касьяновой, в основе национального характера «лежит некоторый набор предметов или идей, которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций», эмоции и чувства являются «импульсом к более или менее типичному действию» [7. С. 35]. В «типичных действиях» и проявляется характер. «Базовая личность» (Кардинер) помогает человеку взаимодействовать с другими таким образом, как это типично для данной культуры. Если «русский характер» демонстрирует принятые национальные стандарты поведения, то «уральский характер», не отрицая последних, детализирует их применительно к местным условиям. В обоих случаях речь идет о передаче опыта в ранний период социализации в семье, когда рациональные структуры у ребенка еще

не работают, «правила» и «стандарты» передаются на невербальном, нерелексируемом уровне (через подражание). К. Касьянова предлагает понятие «социальный архетип», чтобы подчеркнуть глубокую «вмонтированность» в психику «типичных реакций», «типичных действий», определяющих специфику этноповедения. [7. С. 36]. «Социальный архетип» работает именно за счет повторения, трансляции референтного стиля жизни в локальном сообществе, в котором растут дети. «Место в значительной степени предписывает способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей и в то же время определяет картину мира, являясь естественным источником метафор для социального конструирования реальности», - утверждает Т.Черняева [10. С. 117].

Какова же культурная среда для формирования уральского характера? Г.М. Казакова отмечает, что «появление особого типа личности, детерминированного особенностями природно-ландшафтного, историко-социального, производственно-хозяйственного, социокультурного развития конкретной территории, является одним из определяющих условий и результатов формирования региональной культуры» [6. С. 49].

Природно-ландшафтные условия Урала отличны от других территорий России. Это достаточно суровый край с холодной и продолжительной зимой и нестабильным летом

(«зона рискованного земледелия»), который не позволяет «расслабиться» и требует усилий для выживания. Внешняя «суровость», «угрюмость», постоянная сосредоточенность на чем-то характеризуют уральца и сегодня. Главными ландшафтными особенностями Урала являются Уральские горы (невысокие, но богатые природным сырьем) и реки, которые оказались пригодными для строительства плотин для заводов (само слово «завод» - «за водой»). «Гора» и «река» определяют вертикаль и горизонталь уральского края не только географически, но и содержательно. Если «гора», являясь уральской кладовой ресурсов, источником руды и поделочного камня, стала экономическим фундаментом края, то «река», являясь путем, «артерией», помогла получить доступ к этим ресурсам и направляла миграционные потоки заселявших Урал людей [6. С. 51].

«Горность» Уральских гор специфична. «В иных местах горы под облака ушли [...]. А в нашем краю [...] горы мелконькие [...] все эти горки скопом зовут одним словом — гора. Оно и правильно, потому как по нашим местам гора может оказаться там, где ее вовсе не ждут [...]. На что низкое место — болото, а и под ним гора может оказаться», — описывает Уральские горы в сказе «Золотоцветень горы» П.П. Бажов [2. С.146]. В.В. Абашев говорит о «теллурическом» (от лат. *tellus* – земля) уральском коде, уралец не смотрит на вершины, а укореняется в глубины [1. С. 25]. «Заземленность» отража-

ется в поведении уральца, которое лишено излишнего романтизма, но направлено на дело, получение конкретного результата. Герои, созданные уральской литературой (от Приваловых Д.Н. Мамина-Сибиряка до Крылова О. Славниковой) всегда связаны с «духом горы», их самореализация всегда имеет конкретное материальное воплощение. Мифопоэтические представления, связанные с поиском, добычей, переработкой богатств, хранящихся в хтонической толще земли характерны для уральского коллективного сознания, они отразились в уральской литературе в образах Хозяйки, Полоза [3. С. 15].

Социально-демографической особенностью уральской жизни является то, что эта территория очень пестра по этническому составу, как, впрочем, и вся российская территория. Основные субэтнические потоки, сформировавшие население Урала, – тюркские (татары, башкиры) и финно-угорские (удмурты, коми, мордва, манси, ханты). Конфессиональная принадлежность этнических групп также очень разнообразна: мусульмане, православных «великорусы», старообрядцы, немецкие и польские протестанты и католики, и т. д. В свете этого «уральский характер» будет величиной эмерджентной, его нельзя свести к этническим особенностям, он будет равно свойственен всем, проживающим здесь с точки зрения «должных» образцов жизни. И общим знаменателем, объединившим этнические группы,

стал все тот же «завод», ставший собирательным понятием, как и «гора». Урал стал лидировать в процессе индустриализации и урбанизации России [6. С. 53]. «Завод» определял жизнь уральских поселенцев в первой трети XVIII в., в момент создания «горнозаводской цивилизации», он же задавал стереотипы жизни в этом крае в эпоху мощных социалистических строек 1920–1930-х годов (Уралмаш, ЧТЗ, ММК, и т.д.), «завод» был толчковой ногой в победе над фашизмом, «завод» был переориентирован на послевоенное восстановление и созданием комплекса закрытых городов, уральский «завод» и сегодня в России – центр промышленного производства.

«Опорный край державы» ковал не только железо и механизмы, но и «уральский характер», сочетавший в себе независимое от сезонности трудолюбие и нацеленность на результат (дореволюционные уральские рабочие не являлись крепостными, могли разбогатеть и начать собственное дело, качество работы отдельного рабочего было заметно) [8]. М.А. Литовская настаивает на том, что тема человека труда, когда трудолюбие и профессионализм становятся добродетелями, рефлексировались в советский период развития Урала (особенно в творчестве П.П. Бажова) [9. С. 12]. Мастерство, виртуозное владение профессией, становится одной из главных характеристик героев в «уральском тексте». Для П.П. Бажова народные умельцы (старатели, камнерезы, гранильщи-

ки) – носители референтного стиля жизни [3. С. 14]. Мастерство героев сказов может быть и не приносило материальной выгоды, но, безусловно, способствовало их авторитету. Высокий авторитет профессионалов отражается в топонимике: в Екатеринбурге 101 улица названа в их честь: Каменщиков, Каменотесов, Инструментальщиков, Фрезеровщиков, Токарей, Станочников, Стрелочников, Железнодорожников, Литейщиков, Мастеров и т.д. [11].

В традиционном национальном сознании высказывание «проявил уральский характер» обычно соотносится с такими качествами личности, как самоотверженность, верность долгу, добросовестность, выносливость. Это качества «настоящего мужика», мастера, и некоторые современные продукты (например, пиво «Уральский мастер») апеллируют к высокой оценке человека труда.

«Уральский характер», в силу указанных оснований, будет отличен от «сибирского», от «поморского», от казачьего и т.д. Он предполагает типичные поведенческие реакции, воспитанные с детства на основе референтных образцов. Наша задача – изучить эти особенности экспериментально, путем специально подготовленного тестирования.

Литература

1. Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. Пермь, 2012. — 140 с.

2. Бажов П. П. Собрание сочинений: В 3-х т., 1976. Т. 2. М.

3. Васильев И. Е. П. Бажов и А. Бондин как уральские писатели: поиск региональной идентичности. / П.П. Бажов в меняющемся мире: сб. ст. Второй Всеросс. науч. конф. с междунар. уч., посвящ. 135-летнему юбилею писателя. Екатеринбург: Объединенный музей писателей Урала, 2014. С. 11–19.

4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: этюд об организации высших обществ. Одесса, 1990.

5. Каганский В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. Выпуск 5. Пермь, 2014. С.16

6. Казакова Г. М. Культурные универсалии регионального менталитета // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2007. № 4 (82). С. 45–53.

7. Касьянова К. О русском национальном характере. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. — 560 с.

8. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации. 2005.— 274 с.

9. Литовская М. А. Мастер как положительный герой русской литературы 1930-х годов // Творчество П. П. Баждова в меняющемся мире: Материалы межвузовской научной

конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28-29 января 2004 г. Екатеринбург, 2004. с. 12–18.

10. Черняева Т. Город: производство идентичностей // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед.проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». М.: Новое литературное обозрение, 2006. С.116–137.

11. Уралнаш: интересно о Екатеринбурге. URL: <http://ural-n.ru/p/ulicy-ekaterinburga-nazvannye-v-chest-professiy.html> (дата обращения 05.03.2017).

12. Kardiner A. The concept of basic personality structure as an operational tool in the social sciences // The science of man in the world crisis. N.Y., 1967. P.107–122.

ПЕРЕДАЧА И СОЗДАНИЕ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Мочник Р. Й.

*Университет Сингидунум,
Белград, Республика Сербия*

Аннотация: автор убежден, что в современном университете необходимо развивать науку как «теоризацию практик». Нам необходимо признать нередуцируемую гетерогенность